

СОБАЧЬЯ СЛУЖБА

истории израильского военного кинолога

Иван Гончаренко

Иван Гончаренко

**Собачья служба. Истории
израильского военного кинолога**

«ВЕБКНИГА»

2023

Гончаренко И.

Собачья служба. Истории израильского военного кинолога /
И. Гончаренко — «ВЕБКНИГА», 2023

ISBN 978-5-93-381408-5

Книга представляет собой местами смешной, местами пронзительно грустный, местами полный философских размышлений, но всегда увлекательный рассказ о службе в особом кинологическом подразделении израильской армии «Окец» («Жало»). Прочитав эту повесть о настоящей «школе жизни», лучше понимаешь, кто такие израильтяне и благодаря чему, или точнее кому, все еще существует эта удивительная страна.

ISBN 978-5-93-381408-5

© Гончаренко И., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Благодарность	6
Вместо вступления	7
Краткая история подразделения «Окец»	7
Дом на границе	9
Призыв в армию	12
Почему подразделение «Окец»?	12
Отбор в спецподразделение – гибуш	15
Все в голове	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иван Гончаренко

Собачья служба: Истории

израильского военного кинолога

Б.С.Г.-Пресс

* * *

Я посвящаю эту книгу самому любимому человеку в моей жизни, без которого не было бы меня, – моей маме Ирине. И конечно, моей боевой четвероногой подруге из подразделения «Окец», без которой не было бы этой книги, – овчарке Талье.

Благодарность

Во время написания книги мне казалось, что только автор несет ответственность за ее успех и издание. Как же я был неправ! Издание и написание книги невозможно без поддержки и помощи многих людей, и я благодарен судьбе, что у меня они есть.

Во-первых, хочу поблагодарить Татьяну Нудельман, которая, прочитав черновик, с первой минуты делала все возможное, чтобы книга была издана. Без ее поддержки, вдохновения и тяжелой работы эти истории вряд ли покинули бы мой письменный стол. Я хочу поблагодарить Татьяну Кириенко, которая первой прочитала книгу и отредактировала все непонятные израильские моменты, сделав их понятными для русскоязычного человека. Ее положительное мнение о книге дало мне силы продвигаться дальше.

И конечно же, хочу поблагодарить мою семью – людей, которые всегда находились рядом и были вынуждены годами слушать все эти истории, не жалуясь, а иногда и смеясь, – Сашу Гончаренко, Вику Бар Зман, Моше Линецкого и Яка Вайла. Теперь эти истории будут надо-едать и другим людям, а не только вам.

Вместо вступления

Краткая история подразделения «Окец»

Прежде чем я начну рассказ о своей службе в «Окец», уникальном кинологическом спецподразделении ЦАХАЛ, поговорим немного о его истории – как оно появилось и развивалось, о подвигах его бойцов.

Официально использовать собак в целях безопасности начали в 1939 году, еще до создания государства Израиль. Два ветеринара – профессор Рудольфина и доктор Рудольф Мензели, иммигрировавшие в Израиль, основали организацию «Тренировки квалифицированных собак» в городе Кирыят-Моцкине, которая со временем стала подразделением боевых войск организации *Хагана*, еще до основания Армии обороны Израиля. Собак задействовали для разведки, поиска людей и охраны еврейских поселений. Тогда же профессор Рудольфина и доктор Рудольф Мензели создали Институт по изучению и тренировке собак.

После создания государства Израиль 5 мая 1948 года кинологическое подразделение *Хаганы* вошло в состав ЦАХАЛ — Армии обороны Израиля. В городе Кирыят-Хаим была создана постоянная база, где собак тренировали для охраны и выполнения атакующих маневров.

В 1954 году кинологическое подразделение было упразднено, а в 1974-м – восстановлено из-за частых нападений палестинских террористов на мирных жителей государства Израиль. В те времена существование этой части было засекречено.

Впервые о подразделении общественности стало известно лишь в 1980 году. Тогда террористы захватили детский сад на севере страны в кибуце Мисгав Ам. Дети были взяты в заложники. В ликвидации боевиков впервые участвовали кинологи со своими собаками. В ходе операции собаки Стив и Томми первыми ворвались в детский сад. В тело Томми попало 27 пуль, но он спас командира операции. Тогда погибло несколько собак, однако их участие сохранило жизни бойцов и помогло освободить большинство заложников. После этого подразделение получило название *Окец* (с иврита – «жалюзи»), при этом деятельность его оставалась засекреченной.

Так было до декабря 1988 года, вплоть до операции «*Кахоль вз-Хум*» («Синий и коричневый» – по цветам беретов подразделений спецназа, принимавших в ней участие), когда была предпринята неудачная попытка использовать собак в качестве живых бомб против террористов в Ливане, засевших в бункерах и пещерах. Операция, к сожалению, оказалась провальной, в результате были радикально пересмотрены и изменены принципы работы кинологического подразделения.

Командование отказалось от использования собак в качестве подрывников. Была кардинально переработана и система подготовки бойцов. К примеру, раньше солдатам-кинологам не разрешалось эмоционально привязываться к своим собакам: полагали, что в таком случае им трудно отправить на верную смерть своего четвероногого друга.

Сегодня тренировочный курс бойца-кинолога длится около 16–18 месяцев и включает в себя военную спецподготовку и 6–8-месячный курс кинолога, в ходе которого солдат изучает искусство дрессировки собаки с ее подготовкой для участия в боевых операциях. Этот курс – очень важный этап в укреплении доверия между собакой и солдатом, во время которого они проводят вместе до 18 часов в день. Эмоциональная связь и доверие в этой паре должны быть очень сильны, поскольку боец и его питомец готовятся к участию в опасных операциях.

Собака служит в подразделении около 7–8 лет. Затем животное демобилизуют вместе с последним или предпоследним солдатом, который работал с ним. Один из бойцов сказал

однажды журналисту: «Думать о том, что ты не станешь работать со своей собакой, потому что это будет делать кто-то другой, равносильно по эмоциям осознанию, что кто-то отбил твою девушку».

Хотя основная деятельность *Окец* направлена на борьбу с терроризмом, подразделение готовит собак и для спасательных миссий. После нападения в Кении, землетрясений в Турции и катастрофы в Иерусалиме, когда в банкетном зале «Версаль» рухнул этаж и погибли 23 человека, а также в связи с трудностями при поиске тел погибших в ходе второй ливанской войны обучение собак-спасателей стало необходимостью. Сегодня подразделение продолжает развиваться, но большая часть его действий и тактических приемов неизвестна широкому кругу лиц.

Дом на границе

Возможно, некоторые читатели ожидают найти в этой книге описания захватывающих операций, в которых участвовали бойцы кинологического спецподразделения *Окец*. Другие, вероятно, надеются на сочное описание армейского быта, где, несмотря на суровость, бывает много комичных ситуаций. Да, все это в книге есть. Однако, рассказывая о своей родной части, я хотел бы показать жизнь израильской армии в целом. А через жизнь армии познакомить читателя с удивительным государством Израиль и с израильским обществом. Казалось бы, как можно узнать страну через армию? Но в Израиле это действительно возможно! В стране, перенесшей множество войн, *ЦАХАЛ* занимает центральную роль в образовании (включая школы), бизнесе и политике. Как сказал первый израильский премьер-министр и основатель государства: «Народ создает армию, которая создает народ». Прошло уже 70 лет со дня основания страны, а это высказывание до сих пор актуально, поскольку армия действительно оказывает сильное влияние на израильское общество.

Я попытаюсь объяснить, каковы дух и принципы нашей армии. Некоторые отнесутся к моим словам скептически, скажут, мол, армия есть армия. Вне зависимости от принадлежности к какой-либо стране в ней всегда жесткая дисциплина, четкая иерархия, муштра, а иногда встречается и самодурство командиров. В этом плане *ЦАХАЛ*, как мне кажется, кардинально отличается от других армий мира.

Но и израильское общество разительно отличается от обществ других стран. Может быть, взгляд на мою страну через призму армейского уклада поможет понять, как этот странный, часто непонятный еврейский народ умудряется неплохо жить на такой крошечной, каменистой, лишенной практически всех полезных ископаемых и воды земле.

А начну я с небольшого рассказа об одной спецоперации.

Случилось это уже по окончании мной полуторагодового курса подготовки (сначала шестимесячный курс бойца подразделения, затем трехмесячный курс спецподготовки особых войск и, наконец, шестимесячная кинологическая подготовка), когда я стал бойцом-кинологом подразделения *Окец*. Был четверг, я готовился к поездке на *шаббат* домой – израильские солдаты часто на выходные уезжают к родным. Наши же бойцы-кинологи пользовались и более ценной привилегией – *хамшуи*, предметом лютой зависти солдат многих других подразделений. *Хамшуи* – аббревиатура слов «хамиши – шиши – ве – шаббат» – с четверга по субботу, то есть мы имели право отбыть на *шаббат* не в пятницу, как все, а в четверг. Вы представляете, что такое на целые сутки дольше пробыть дома?! Манна небесная, которая к тому же сыпалась на нас почти каждую неделю!

В этот раз перед самым отъездом ко мне подошел наш офицер Ишай и предложил остаться на базе, чтобы поучаствовать в качестве помощника кинолога в боевой операции, которая планировалась на северной границе Израиля.

У нас частенько отправляли молодых бойцов, только окончивших кинологический курс, в качестве помощников более опытных кинологов на военные операции. Благодаря этому мы получали бесценный опыт работы с собакой, необходимый в будущем, который порой спасал кому-то жизнь. Кстати, я написал именно «предложил», а не «приказал», потому что можно было и отказаться. На самом деле, подобная свобода выбора – это очень рационально. Ведь когда нет крайней необходимости в солдате, ему правильнее предлагать участие, а не приказывать. Человек лучше всех знает свое внутреннее состояние, понимает, готов он или нет, есть ли у него необходимые возможности и настрой. В результате возрастает эффективность операции. А благодаря тщательной системе отбора в спецподразделения в *Окец* попадают высокомотивированные люди. И если военный отказывается от участия в операции, то лишь по действительно веской причине.

Конечно же, я согласился. К слову, отказов от подобных предложений практически не наблюдалось.

Не стану рассказывать о нескольких днях подготовки к этой операции, это неважно. В конце концов в полночь я оказался в одной из воинских частей на севере страны. В операции должно было участвовать подразделение *Эгоз*¹. Согласно плану, его бойцы, а также кинолог и я должны были скрытно зайти в заброшенное здание на границе, получить там приказ и выдвинуться на непосредственное проведение спецоперации. Мы незаметно зашли в здание, а дальше произошла длительная заминка. Окончательный приказ на проведение операции должен был дать Генеральный штаб *ЦАХАЛ*. Вместо этого нам неожиданно сообщили, что по политическим соображениям ответ, возможно, придется ждать больше суток.

В доме было темно и неуютно. Каждый из нас нашел место, где можно было прилечь или хотя бы присесть, оперевшись на стену. Потекли томительные часы ожидания.

Я во всей своей амуниции – спецжилете, каске, наколенниках, с автоматом в руках – прилег и почти сразу заснул... и в мгновение ока во сне оказался на каком-то волшебном острове вместе с несколькими друзьями. Остров этот был просто райский – великолепный пейзаж, пальмы на фоне бирюзовой воды и чистейшего, почти белого песка, в воздухе разлито спокойствие и блаженство. Никаких террористов, спецопераций, жары и пота.

В пять утра я проснулся. Приказа по-прежнему не было. Я снова заснул, пытаюсь вернуться в свой удивительный сон. И это у меня получилось! Вновь бирюзовая вода до горизонта, белый песок под ногами и кроны пальм над головой. Мы с друзьями бежим купаться, хохочем, радуемся жизни...

Прошло сорок восемь часов, но приказа Генерального штаба все не было. Все это время мы находились в доме, лишь по ночам (иногда на пять минут) кинолог или я, его помощник, выходили погулять с собакой. А потом – все тот же сон. Это удивительно, но я каждый раз снова и снова в него попадал! Как же не хотелось выходить из такого сна! В мгновение ока переноситься с райского острова в этот каменный, лишенный света и какого-либо уюта дом, где вместо тропических благоуханий все явственней ощущался «аромат» десятка давно не мытых солдатских тел и пятидесятикилограммовой собаки. Контраст, конечно, получался резким. С одной стороны, этот заброшенный дом, отупляющая скука, когда остается только сидеть, прислонившись к стене, или спать. С другой – беззаботное наслаждение жизнью в сказочном уголке планеты.

Наконец через двое суток нам дали разрешение действовать. Не стану описывать саму операцию, скажу лишь, что в следующие три – четыре дня мы практически не спали. А после ее завершения, вернувшись на базу и приняв душ, я упал на кровать и мгновенно заснул. Вместо райского острова я оказался в черном мраке беспробудного свинцового кошмара. К сожалению, тот удивительный сон никогда больше не повторялся. Когда реальная жизнь скучна, сера, наполнена печалью, ты стараешься избавиться от этой реальности, убегаешь в сказочную страну, в красивый сон. И он становится твоей настоящей жизнью, а реальность, наоборот, превращается в дурной сон.

В армии я часто вспоминал свой удивительный параллельный мир, в котором мне было так уютно! Я вспоминал тот диссонанс, который ощущал тогда каждый раз, когда нехотя просыпался и понимал, где нахожусь, осознавал, что нам предстоит сделать через несколько часов, а то и минут. Как же мне хотелось в тот момент, чтобы все было наоборот, чтобы, отдыхая на пляже с друзьями, я на секунду задремал и мне бы приснился кошмар: домик на границе, и в нем – солдаты израильских спецподразделений. А пробудившись, увидел бы, что все хорошо, что жизнь намного лучше, чем сон.

---

¹ Эгоз (ивр. יחידת אגוז, Йехидат Эгоз) – элитное подразделение спецназа Израильской армии для ведения контрпартизанских действий.

Я мечтаю о том, чтобы во всем мире, во всех странах жизнь стала лучше, чем любой самый красочный мир из снов. Я мечтаю, чтобы не было армии, людей в зеленой форме и домиков на границе – возможно, последнее, что может увидеть чей-то восемнадцатилетний ребенок! Знаю, что не одинок в своих мечтах.

Призыв в армию

Почему подразделение «Окец»?

ЦАХАЛ и Израиль – практически неразделимые понятия. Не было бы *ЦАХАЛ* – и небольшой клочок каменистой земли, населенный евреями, просто не смог бы существовать. Точнее, возможно, на нем их *УЖЕ* не было бы. Поэтому армию в нашей стране любят. Многие молодые девушки и парни просто не представляют, чтобы в их биографии не было бы строчки: «Служил(ла) в *ЦАХАЛ*». Уважение, любовь и готовность к службе воспитывают в израильских детях с самых ранних лет. Без всякой помпы и официальных патриотических мероприятий.

Воспитывает сама жизнь. С детства одни из самых первых, а значит, самых ярких впечатлений, – встречи старшего брата, который прибыл на побывку в субботу из армии. В доме праздничная атмосфера. Брат такой мужественный, ему так идет военная форма! Мама светится от счастья, на стол подают самые вкусные блюда. И малыш понимает, что служба в армии – это круто. Мысль о том, что ты подрастешь и тоже будешь служить в армии, что ты тоже три года (столько в Израиле длится срочная служба для парней) вот так же по субботам станешь возвращаться домой, принося в него праздник, становится естественной, как восход солнца на востоке.

И вот в 11-м или 12-м классе, когда тебе исполнилось 17 лет, приходит первая армейская повестка – *цав ришон*. Армия хочет познакомиться с тобой и на протяжении года до начала службы дать тебе возможность узнать о ней, понять, какие подразделения тебе могли бы подойти. Тебя переполняют гордость и радость. Ты спешишь поделиться этой новостью со своими друзьями и вместе с ними обсуждаешь, где хотел бы служить. Доказываешь им, что твое спецподразделение (да, ты его уже считаешь своим) самое крутое.

Все воинские подразделения можно разделить на два типа – боевые и тыловые. В боевых частях существуют еще подразделения специального назначения для осуществления специфических задач, требующих особых знаний и навыков. Например, *Сайерет маткаль* – спецназ Генерального штаба Армии Обороны Израиля, *Маглан* – подразделение противотанковых ракет дальнего действия. А еще есть *Эгоз*, *Дувдеван*, *Лутар*, *Яалом* и много других со специфическими задачами.

Многие израильские юноши мечтают попасть именно в спецподразделения, окруженные в их сознании большим романтическим ореолом, что в юности, конечно, имеет огромное значение. Кроме того, служба в спецподразделении – хороший трамплин для карьеры: многие известные израильские руководители и политики в молодости служили именно там.

Попасть на службу в элитные части весьма непросто. Юноша или девушка должны быть абсолютно здоровы и пройти жесткий отбор в течение одного – двух дней. Отбор в каждое из подразделений проходит по-разному, однако сам этот процесс остается в памяти прошедших его на всю жизнь.

И вот 17-летний юноша уже предвкушает, как будет доблестно служить в армии. Одноклассники разбиваются на группки – по желанию служить в том или ином спецподразделении. Ты, конечно же, как твой отец и брат, хочешь стать парашютистом. Однако старший брат рассказывает, как сложно было служить первые полгода, как строг был сержант, какими изматывающими были занятия. А папа достает из шкафа свой красный берет и говорит, что подарит его тебе, когда ты пройдешь отбор в парашютисты. Мама шутит, что ты не сможешь пройти отбор и будешь служить помощником прапорщика, а таким красный берет не дают. И на тебя наваливаются вполне объяснимые сомнения в себе и неуверенность. Дальше вспоминаются все радостные и задиристые разговоры об армии в школе с друзьями, учителями, родителями.

И вот тут возникает настоящая паника. В результате на *гибуш*² приходит довольно испуганный молодой человек.

Читая это подробное описание ощущений будущего новобранца, можно подумать, что я сам все это прочувствовал и испытал. На самом же деле об этом мне рассказывали товарищи по службе в спецподразделении. Мой же собственный путь в ЦАХАЛ был несколько иным. Я даже не подозревал о предстоящих трудностях. И наверное, именно это помогло мне пройти отбор в *Окец* – одно из элитных спецподразделений нашей армии.

Дело в том, что я не коренной израильтянин, а репатрировался на свою историческую родину в 13 лет по образовательной программе «Наале» для ребят 13–15 лет, имеющих еврейские корни. С ее помощью дети могут приехать в Израиль без родителей, проучиться в израильской школе два года (с 10-го по 12-й классы) и получить израильский аттестат. Дальше необходимо решать: оставаться ли в стране, получать ли гражданство, проходить ли службу в армии, связать ли в дальнейшем свою жизнь с этой землей или вернуться. Насколько я знаю, на данный момент по программе «Наале» приехали порядка 17 тысяч ребят и только один из десяти вернулся назад.

Я учился в школе «Лемлаха» в деревне Кфар-Хабат. Это было религиозное среднее учебное заведение. Помимо математики, физики и других общеобразовательных предметов, мы постигали мудрость Талмуда, изучали еврейские предметы и обычаи, соблюдали *шаббат*. Именно здесь иврит стал моим вторым родным языком. В «Лемлаха» я обрел новых товарищей, с некоторыми из них мы дружны по сей день.

Но поскольку я не родился в Израиле, то в 17 лет я даже не знал, какие существуют спецподразделения в ЦАХАЛ! Единственное, что бесповоротно решил: буду служить в боевых частях. О подразделении *Окец* я узнал совершенно случайно. В выпускном классе директор школы выдал мне разрешение на посещение курса для подготовки к сдаче психометрического теста³. Для этого необходимо было ездить на занятия в другой город два раза в неделю по вечерам.

В ходе обучения я встретил преподавателя, звали его Алекс, он и повлиял на выбор моего жизненного пути. Это был один из самых мудрых людей, которые мне встречались в жизни, и посещать его занятия было сплошным удовольствием. Алекс, русскоязычный еврей, репатрировался в Израиль из Москвы с родителями в возрасте 8 лет. Правда, у него была, как мне тогда казалось, одна странность: в любое время года, в любую погоду он ходил с подвернутыми рукавами рубашки, даже в лютый зимний холод он не опускал их. Позже, уже служа в армии, я узнал, что это обычная традиция бойцов боевых подразделений, которые никогда не ходят с опущенными рукавами, пытаясь, наверное, показать, что готовы к любым трудностям и испытаниям. Сказать по правде, за три года службы и я приобрел привычку закатывать рукава рубашки. Курс подготовки к психометрическому тестированию подходил к концу. Как-то раз мы с Алексом остались одни и разговорились. Конечно же, одна из первых тем была связана с армией. Кстати, в Израиле даже на первом свидании с девушкой вы начинаете расспрашивать друг друга, кто где служил. Часто подразделение девушки оказывается намного более «боевым», чем у парня.

- Когда ты призываешься? – спросил Алекс.
- В марте, – с изрядной долей гордости ответил я.
- Где хочешь служить?
- В боевых частях. Но где конкретно, еще не знаю.
- А ты любишь собак? – вдруг последовал неожиданный вопрос.

---

² Гибуш – день для прохождения Йом Саярот (отбор в элитные войска ЦАХАЛ).

³ Психометрический тест – единый стандартизованный тест для поступления в израильские высшие учебные заведения.

Я, безусловно, любил собак. Алекс ожидал такого ответа и стал рассказывать мне об удивительном спецподразделении *ЦАХАЛ*, где собаки служат наравне с людьми, обезвреживая террористов, находя мины, спасая людей под завалами.

– Ты служил в этом подразделении? – не мог я не спросить.

– Нет... но очень хотел бы. Я не прошел отбор.

Он опустил глаза и задумался, а потом продолжил:

– Попробуй, вдруг тебе повезет. Но ты должен знать, что отбор туда – один из самых сложных. Возможно, день, когда ты будешь сдавать эти тесты, станет самым трудным в твоей жизни.

– Как это подразделение называется? – поинтересовался я.

– *Окец*.

Так я узнал о «жале» израильской армии. В интернете я более подробно прочитал об этом подразделении, выяснил, какие физические и психологические тесты необходимо пройти. Смешно, но после того разговора с Алексом я даже не знал, как правильно пишется название подразделения на иврите. Пришлось посидеть за компьютером, прежде чем гугл понял, чего я от него хочу. Но, видимо, моя судьба уже была предопределена, и такая незначительная трудность уже не могла меня остановить. Алекса я больше не встречал. Никогда. Он, как добрый ангел, ненадолго появился в моей жизни, чтобы тихонечко подтолкнуть, указывая путь в нужном направлении.

Забегая вперед, скажу, что я все же сдал двухдневные тесты, выдержал спецподготовку, длившуюся год и два месяца, и честно отслужил положенные три года полноправным бойцом *Окец*. Из всех ребят, проходивших тестирование в это подразделение, успешным оказался лишь каждый десятый.

Отбор в спецподразделение – гибуш

Гибуш с иврита переводится как «сплочение». Почему-то этим термином также называют отбор для службы в спецподразделениях израильской армии. Стать их бойцом, как я писал выше, очень трудно и почетно, это известно в Израиле абсолютно всем. После того как я узнал о существовании *Окец*, желание служить там росло с каждым днем. Сколько сомнений и тревожных мыслей пронеслось у меня в голове до того, как это произошло!

Однако не только сам *гибуш* в *Окец* заставил меня переживать. В один из первых дней после призыва я прибыл для прохождения двухдневного *гибуша* для службы в израильском подразделении *Цанханим* – бригаде парашютистов. Об этом отборе на гражданке мне рассказали, что это станет самым трудным днем в моей жизни, что после него я неделю не буду чувствовать своего тела. Да и вообще, будет очень хорошо, если я хотя бы просто пройду испытание до конца, а не брошу из-за усталости и боли посередине пути, как делали многие, не говоря уже о возможности после отбора попасть в парашютное подразделение.

Вечером всех участников *гибуша* привезли на базу, записали в алфавитном порядке, накормили ужином, распределили по палаткам, присвоили им номера и отправили спать. Есть такое выражение «затишье перед бурей», или очень емкое слово – предгрозье. Именно им можно очень точно описать те чувства, которые я испытывал в тот момент, – тревога и напряженное ожидание.

В палатке, куда меня направили, уже было двое незнакомых ребят, чьих лиц в темноте не было видно. Они лежали на раскладушках. Как только я зашел, один из них тут же сделал мне замечание:

– Ложись уже спать. Нужно хорошенько выспаться, потому что утром все начнется.

– Я даже не могу представить, что завтра будет самый тяжелый день в моей жизни, – признался я им.

Ребята рассмеялись. Один из них тут же рассказал семейную историю. По его словам, когда его родной брат проходил *гибуш*, он после этого не мог ходить неделю, настолько болели мышцы. Меня это, как вы догадываетесь, отнюдь не успокоило. Под этот «многообещающий» рассказ я лег и, как ни странно, тут же заснул. Что мне в ту ночь снилось, не помню, но вряд ли сновидения были приятными. В пять утра нас разбудил крик: «Подъем! Через десять минут стоять одетыми в центре базы!» Такой подъем был первым в моей жизни. Это щекотало нервы, и пришпоренное дозой адреналина сердце учащенно забилось, словно выстукивая: «Сейчас начнется! Уже скоро!»

За годы армейской службы подобные подъемы стали для меня обыденностью. Но все равно в такие минуты я испытывал непередаваемые чувства – тревогу и одновременно возбуждение от того, что ты не имеешь ни малейшего понятия, где окажешься через несколько минут, что с тобой произойдет, какие испытания тебе выпадут. От этого приятно холодило сердце, ибо ты понимал, что все происходящее – удел избранных, удел бойцов спецподразделения, к клану коих ты теперь имеешь самое непосредственное отношение.

В тот день мы бегали, ползали, наполняли песком и таскали сорокакилограммовые мешки. Но, как написано на перстне царя Соломона: «Все пройдет!» Это «пройдет» наступило для нас в восемь вечера. После дня испытаний нам приказали принять душ, одеться в выходную форму и предстать пред очи приемной комиссии, что я и сделал как можно быстрее. В комиссии было четыре офицера в возрасте тридцати – сорока лет в званиях полковников и подполковников – с двумя и тремя фалафелями (виноградными листьями) на погонах⁴. Они посмотрели на меня, на мои исцарапанные руки и шею, «утиную» походку (в области паха было

---

⁴ В израильской армии вместо звезд на погонах крепят изображения виноградных листьев.

все стерто, и каждый шаг действительно давался с трудом). Офицеры предложили мне сесть на стул, стоявший в некотором отдалении от стола, за которым заседала комиссия. Я присел и неожиданно почувствовал такое наслаждение! Обычный жесткий стул, но после такого тяжелого дня, после всего этого многочасового испытания, после пота, жары и боли я мог спокойно сидеть. Как же мало нужно человеку для счастья!

– Хорошо, Иван, – сказал один из офицеров. – Расскажи о себе и своей семье.

Вдруг другой офицер, ниже по званию, перебил:

– Но перед этим скажи: ты слышал об Иване Грозном?

Этот вопрос не был для меня неожиданным. Его задавали почти все незнакомые мне люди при первой встрече. Спустя много лет после армии, когда в израильской миссии при ООН на одной из еженедельных встреч израильских дипломатов я представлял доклад, Рон Просор, тогда посол Израиля в ООН, после моего выступления неожиданно спросил:

– Иван, а ты слышал об Иване Грозном?

С его легкой руки в ООН наши дипломаты и называли меня Иваном Грозным.

Но вернемся к приемной комиссии в парашютную бригаду и ко мне, блаженно восседавшему на жестком стуле. Один из офицеров задал стандартный для этого случая вопрос:

– Почему ты хочешь служить в парашютной бригаде? Почему хочешь быть одним из нас?

Веселье в глазах членов приемной комиссии после вопроса об Иване Грозном мгновенно сменилось серьезностью. Четыре пары глаз внимательно смотрели на меня, я же спокойно ответил:

– Если честно, я НЕ ХОЧУ быть одним из вас.

Офицеры если и были в замешательстве, то виду не подали. Многолетняя армейская служба приучила их контролировать и ситуацию, и свою реакцию при любых обстоятельствах. Они просто продолжали слушать, не перебивая.

– Я хочу служить в подразделении *Окец*. Мне сказали, что *гибуши* для парашютистов очень похож на *гибуши* для бойцов *Окец*, поэтому я хотел себя проверить, чтобы хоть немного подготовиться к предстоящему испытанию. Ведь у меня только один шанс. А я очень хочу туда попасть, – честно признался я.

Офицеры молчали. В их взглядах я видел удивление и, как мне показалось, уважение. После небольшой паузы глава комиссии произнес с улыбкой:

– Ты ненормальный. Такие нам нужны!

Другие офицеры засмеялись.

– Хорошо, – продолжал офицер. – Единственное, что я хочу сказать, – удачи тебе в *гибуше* в *Окец*. Я очень надеюсь, что ты его пройдешь, и мы вместе поучаствуем в какой-нибудь операции – парашютисты и кинолог Иван.

– Иван Грозный, – добавил второй, и все засмеялись.

Собеседование закончилось. Я встал, сказал всем спасибо и расстался с парашютистами.

Через две недели я уже был на базе *Пелес*. Сколько там было пролито пота и слез! Сколько возносилось молитв к Всевышнему с просьбами облегчить жизнь! Ведь на *Пелес* проходят курс молодого бойца (*тиронит*) многие боевые солдаты израильской армии. И вот именно здесь я с нетерпением ожидал моего *гибуша*, как и сотни других претендентов. С каждым днем их число росло. Однако на базе были и парни, которые не стремились стать кинологами. Они были спокойны, расслаблены и злорадно пугали нас тем, что и половина не пройдет до конца все тесты. На базе среди них ходила шутка: «Лучше быть командиром человека, чем командиром собаки».

На меня весь этот моральный прессинг не оказывал никакого влияния. Единственное слово, которое меня все же пугало, – протекция. Почему-то оно звучало очень часто в эти дни. И я был в ярости: неужели кто-то пройдет в *Окец* только потому, что с кем-либо знаком лично из этого подразделения? Неужели я могу не пройти только потому, что у меня нет никаких

связей?! Один мой новый знакомый кивал на солдата, сидящего на раскладушке в другой стороне нашей палатки: «Его стопроцентно возьмут. Его старший брат служил в этой части».

Другой «будущий боец *Окец*» перед сном рассказывал, что его друг уже служит в этом подразделении и дал ему рекомендательное письмо для приемной комиссии.

– Такое не может не сработать, – хвастался он.

По моим подсчетам, более десяти человек сказали, что у них есть протекция. А ведь набрать планировали всего сорок – сорок пять человек! Это и без того небольшое количество мест для меня сокращалось до тридцати. А число желающих все росло – более четырехсот пятидесяти претендентов. Как же меня это угнетало! Наконец наступил день, когда мы узнали, что завтра нас отвезут в *Миткан Адам*, на базу подразделения *Окец*, где будет проходить *гибуш*.

Накануне отъезда нас отправили спать уже в шесть вечера, дав возможность как можно больше времени отдохнуть. Но в ту ночь я практически не спал. Мысли о том, что от результатов завтрашнего дня будет зависеть моя судьба, не покидали меня. Невольно представлялось, как будет хорошо, если попадешь в эту часть, как получишь собаку и красный берет. Но тут же ты сдерживаешь свои фантазии, ведь шанс пройти отбор был очень невысок. И, возможно, лучше быть психологически готовым к тому, что все закончится неудачей. Тогда будет не так обидно. Но вновь мои мысли заполняли мечты, и я снова пытался их прогнать. И опять терзало воспоминание о злополучных протекциях... Наконец я заснул.

В шесть утра наш автобус уже ехал по направлению к базе *Миткан Адам*. Почти все спали, а я смотрел в окно на проплывающий мимо пейзаж. Вдруг меня пронзило осознание того, что вот эту картинку я запомню на всю жизнь. Такие переломные дни есть в жизни каждого, они проходят пунктирной линией через нашу судьбу, помечая ее опорные точки. В последующие годы я часто буду вспоминать это утро, этот пейзаж, но к тому времени все волнения останутся позади. А пока...

На базе нас поделили на отряды по десять человек. Каждому на майку сзади прикрепили листок с его порядковым номером. Так проверяющие могли контролировать претендентов и записывать результаты тестов. В принципе, я уже представлял предстоящее испытание благодаря участию в *гибуше* парашютной бригады. Мы много бегали, ползали, таскали мешки с песком.

Вот пример одного из тестовых заданий: отряду из десяти человек за две минуты нужно наполнить песком три мешка, уложить и закрепить их на носилках. Потом как можно скорее подняться по крутому склону около 100 метров вверх, сделать круг по вершине и бегом вернуться к стартовой точке. Первые четыре кандидата, достигшие старта, хватают носилки и бегут с ними опять по уже знакомому маршруту. Следующие двое хватают оставшиеся четыре 20-литровые канистры с водой. Последние четверо будут бежать уже налегке. Баллы получают только те, у кого есть какая-либо ноша (по крайней мере, так мы думали). И так несколько часов. Потом пять минут отдыха и следующий тест...

Я хорошо запомнил одного из проверяющих, который следил, как мы таскаем мешки с песком. Он демонстративно ел сэндвич и орал на нас с набитым ртом:

– Быстрее! Быстрее! Шевелитесь!

Конечно, все это была своего рода игра, психологический прессинг, проверка на вшивость, но мы не могли не воспринимать это серьезно. Мы пытались бежать еще быстрее, преодолевая границы своих физических возможностей.

Должен признаться, что не был самым первым ни в одном из тестов, но честно пытался не быть и последним. По сравнению с первым *гибушем* у меня было несколько другое отношение к заданиям. Там я выкладывался процентов на восемьдесят, экономя силы для следующих испытаний. Сейчас же каждый тест я проходил как последний – выкладывался на все сто, не думая, хватит ли сил на следующие задания.

От теста к тесту наши ряды таяли, будто бы мы были на настоящей войне. Один подвернул ногу, другой получил тепловой удар, третий решил просто сдаться и сойти с дистанции. Сидя в тени деревьев, они пили прохладную кока-колу, а мы, страдающие от боли и изнывающие от нестерпимой жажды, им несказанно завидовали, хотя и понимали, что те проиграли. Они не достигли своей мечты, не устояли перед трудностями, а прохладная, сладкая, пузырящаяся кола – это, на самом деле, горький напиток поражения, привкус которого останется с ними еще на много лет.

Однако не только физические нагрузки тяготили нас. Психологически было тоже нелегко. Во время прохождения любого теста к нам приходили солдаты, ответственные за *гибуш*. У них в руках тоже были жестяные банки с колой. Они демонстративно пили ее и предлагали нам. Было лишь одно совсем крохотное условие – отказаться от дальнейшей борьбы.

Необъяснимо, но такой психологический прессинг производил на меня обратный эффект. Эта кока-кола вызывала у меня злость, которая словно плетью подстегивала сознание и гордость, заставляя находить все новые и новые силы, чтобы продолжать борьбу, бежать, ползти вперед.

Обед в тот день длился двадцать минут. Нам выдали тарелки с рисом, шницелем и салатом. В пластмассовых армейских флягах была теплая, почти горячая, вода. Я с жадностью накинулся на еду. Казалось, никогда в жизни ничего вкуснее не ел! Аппетитный и сытный шницель, а также возможность хоть немного расслабиться сыграли со мной злую шутку – я просто заснул с куском мяса во рту.

Но двадцать минут блаженства пролетели как одно мгновение, и все началось сначала, хотя страх, что я не закончу этот *гибуш*, с каждой минутой таял. Если в начале испытания свет надежды в конце темного тоннеля неизвестности был слабым лучиком, то сейчас он уже бил мощным прожектором.

И это несмотря на то, что некоторые задания были очень сложными для меня. Дело не только в больших физических нагрузках. Были и другие, индивидуальные факторы. Например, в одном из заданий требовалось, чтобы мы всем отрядом за короткое время установили большую армейскую палатку американского типа на 20 человек. Это был тест на оценку лидерских качеств. Разумеется, необходимо было проявлять инициативу, отдавать распоряжения другим членам отряда. Все это на иврите. И хотя я уже владел ивритом в совершенстве, к тому времени он все еще был вторым языком. Вначале приходилось продумать фразу на русском, затем перевести ее на иврит. Понятно, что я уступал другим ребятам, для которых иврит был родным. Но я старался насколько мог.

Последнее задание было в тандеме с собакой. Напротив меня сидел необъятный человек в форме, рядом с ним на поводке под стать хозяину сидела огромная немецкая овчарка. Солдат посмотрел на меня насмешливо и даже чуть презрительно.

– Возьми кусочек колбасы, дай собаке и скомандуй «Лежать!», – приказал великан и дал мне поводок.

Я так и сделал. Собака меня послушала.

– Теперь скажи ему «Сидеть!», – продолжал командовать боец.

Собака выполнила и эту мою команду.

– Все. А теперь пошел вон отсюда, – завершил солдат разговор.

Весь тест не занял больше минуты. С досадой я отдал этому огромному человеку поводок. Было очень обидно, ведь этот «шкаф» просто не дал показать, как я умею ладить с собакой! Уже став бойцом-кинологом, я узнал, что целью этого задания была не проверка, как человек контактирует с животным, а куда более прозаическая – убедиться, что у испытуемого нет аллергии на собачью шерсть. В следующий раз я коснусь собаки и дам ей команду только через девять месяцев.

Все, изнурительная физическая часть *гибуши* закончилась! Всех, кто просочился через ее сито и не застрял, пригласили сесть напротив комнаты, где проходили собеседования с целью поближе познакомиться с соискателями и попытаться выяснить, готовы ли они психологически к службе в спецподразделении.

Солдаты заходили по одному и выходили, усталые и озабоченные, по истечении 5—10 минут. Когда подошла моя очередь, я вошел в помещение. В отличие от собеседования в парашютной бригаде, приемная комиссия состояла всего из двух вполне доброжелательных молодых ребят. Они шутили и смеялись. Словом, обстановка разительно отличалась от той, что я видел раньше. Несмотря на веселый тон, дурацкий вопрос об Иване Грозном задан не был. Меня сразу спросили, почему я хочу служить здесь и откуда знаю об этом подразделении. Теперь я отвечал, конечно же, совершенно иначе – с восхищением рассказывал об *Окец*. Изучив все нюансы истории подразделения по материалам из интернета, я старательно пытался показать все свои знания. От этих двух человек зависела моя дальнейшая судьба! Именно они могли превратить мою мечту в реальность или, наоборот, обратить в прах. Я лез из кожи вон, пытаюсь показать, насколько подхожу для службы в подразделении и, наверное, в своем красноречии немного перестарался.

– Скажи, ты много врешь? – последовал неожиданный вопрос.

– Я никогда не вру! – запальчиво, по-детски тут же ответил я.

Члены комиссии рассмеялись.

– Не может быть такого, что ты вообще никогда не врешь. Все врут! – сказал один из парней.

– Когда твоя подруга спрашивает тебя, толстая ли она, ты что, говоришь ей правду? – ехидно спросил другой.

– Нет... – вынужден был признать я.

– А когда твоя младшая сестра рисует что-то очень некрасивое и спрашивает тебя, хорошо ли она нарисовала, разве ты ей не врешь? – продолжали наседать они.

– Но это не ложь! Это маленькие хитрости в семье! – я отчаянно защищался. – Ложь во спасение. Но я никогда не вру в больших и серьезных вопросах.

Я очень испугался, что меня сочтут лжецом и завалят на этом психологическом тесте, когда, казалось бы, все шансы пройти *гибуши* у меня есть.

– Хорошо, – сказал один из парней и стал что-то писать в журнале. Он и его напарник вмиг стали предельно серьезными.

Разговор длился еще пять минут, а потом меня отправили в офис девушки-служащей по имени Мейталь, ответственной за экономическое положение военнослужащих и их семей. Ей важно было убедиться, что служба в подразделении никак финансово не ухудшит положение семьи солдата. Когда мы познакомились, она спросила:

– Я вижу, что твоя семья – это только мама, ты и твой младший брат. Скажи, когда ты будешь служить и, может быть, редко сможешь навещать свою семью, это никак не повлияет на их экономическое положение и психологическое состояние?

Я уверенно ответил, что семья меня поддерживает в стремлении служить в этой части.

– Если для того, чтобы остаться в этом подразделении, необходимо два или три года не приезжать домой вообще, то я готов и на это, – серьезно добавил я.

Мейталь лишь улыбнулась, ничего не сказав.

Следует заметить, что подразделение очень эффективно организовывало помощь семьям военнослужащих на всем протяжении их службы. В армии отлично понимают, что если дома у солдата все благополучно и нет проблем в семье, то он служит намного лучше.

Когда после разговора с Мейталь я вышел на воздух, был уже глубокий вечер. На небе сияли яркие звезды. Я вдохнул полной грудью и улыбнулся – *гибуши* закончился.

Тот же автобус повез нас обратно в *Пелес*. Атмосфера в салоне была не такой, как утром, когда нас везли сюда. Все молчали, устав до изнеможения. Каждый наверняка вспоминал наиболее яркие эпизоды *гибуша*, анализировал свое поведение и невольно пытался мысленно переиграть там, где сплеховал. Те, кто сошел с дистанции, оправдывались. Одни говорили, что не очень-то и хотели служить в этом подразделении с собаками, другие – что вывихнули ногу или плечо, мол, если бы не это, они непременно прошли бы.

Ребята, которые говорили, что у них есть протекция, и были на сто процентов уверены, что пройдут, даже не закончили физическую часть, то есть никакой протекции при отборе нет и никогда не было, все оказалось на уровне обычного трепача. Те же, кто, как и я, до конца прошел испытания, уже в сотый раз терзались вопросом, зачислят их в *Окец* или нет. Это ожидание результата и неопределенность сильно выматывали, превращая дни в какую-то тягучую серость.

В автобусе нам сказали, что результаты будут оглашены лишь в воскресенье, когда мы вернемся после *шаббата* из дома. Это был один самых тоскливых и нервных *шаббат* ов в моей жизни! Хотя я и думал о том, что это был самый тяжелый день в моей жизни, впоследствии это мнение изменилось – случались дни и потяжелее. А вообще, несмотря на то, что окончательный вердикт был неизвестен, меня наполняли легкая гордость и удовлетворенность. Я прошел до конца, выложился до последнего. И если меня не выберут после этого, значит, я действительно просто физически и психологически не подхожу для элитных частей. Главное, я сделал все, что мог, не спасовал.

В воскресенье мне сообщили, что я зачислен в подразделение *Окец*.

Все в голове

Прошло более десяти лет, но я все еще помню присвоенный мне во время *гибуша* номер – 13! Думаю, лучше обойтись без комментариев относительно «счастливых» и «несчастливых» чисел. Нас, претендентов, было четыреста пятьдесят человек, и каждый знал, что отбор пройдут лишь сорок. Это даже меньше, чем каждый десятый. Множество физических и психологических тестов, десятки километров, которые мы должны пробежать или проползти, сотни отжиманий и приказов, больше похожих на крики, с которыми пастухи загоняют стадо овец в загон. Жара, пот, усталость и сердце, словно несущееся галопом. Маленький ад для каждого из нас. И как же в аду без дьявола-искусителя? Раз в двадцать минут к нам подходил молодой парень и на глазах у всех наливал в пластиковый стаканчик соблазнительно пузырящуюся холодную кока-колу. Все наше естество вопило: «Пить! Пить! Пить!», а «дьявол» с улыбкой змея-искусителя говорил:

– Ребята, зачем вам все это нужно? Посмотрите, какая жара. Лишь скажите два слова: «*ани порэиш*» («я ухожу»), и я сразу налью вам стаканчик холодной кока-колы, проведу вас в зал с кондиционером, и вы просто будете отдыхать на протяжении всего оставшегося дня.

Два слова – пропуск на выход из этого ада. И в душах у некоторых это находило отклик. То и дело кто-то из ребят, поддавшись искушению, подходил к солдату и с опущенной головой произносил: «*Ани порэиш*». И еще одним претендентом становилось меньше.

Этот день я помню урывками. Перед глазами сплошная карусель каких-то фрагментов – палящее солнце, жара, крики и физическая боль. Но одно воспоминание останется со мной навсегда. Я лежу на песке, по которому ползал последние три часа. Надо мной выбеленное жгучим солнцем небо, черный силуэт трогает меня за руку: «Номер 13, ты жив? Ты хочешь уйти?» Оказывается, я только что потерял сознание.

– Нет! – хриплю я и снова начинаю ползти по проклятому горячему песку.

В тот день я дважды терял сознание. И каждый раз, как только я открывал глаза, «дьявол» или кто-то из его подмастерьев «участливо» спрашивал: «Номер 13, ты жив? Ты хочешь уйти?» И я снова хрипло ору: «Нет!» И мои руки и ноги вновь начинают отталкиваться от песка, бросая тело вперед...

У меня было мало шансов пройти этот отбор. Я никогда не был первым ни в беге, ни в отжиманиях, ни в таскании мешков с песком. Последним я тоже не был, но элиту армии не интересуют даже вторые, только первые. К тому же я два раза терял сознание... Но через неделю я узнал, что прошел!

Потом было полтора года тяжелейшей подготовки. Только подумать: из трех лет службы полтора года нас лишь готовили. И если эти два дня отбора можно приравнять к первому кругу ада, то в последующие восемнадцать месяцев мы проходили все остальные восемь.

Со временем, став сержантом, я спросил нашего психолога: «Как человек, падавший на испытаниях в обморок два раза, может пройти в элитное подразделение?»

Его ответ был прост: «Мы понимаем, что физическая форма ребят, вчерашних школьников, не самая лучшая. Но это поправимо. Мускулы можно легко накачать и физическую выносливость увеличить. Намного сложнее дело обстоит с ментальностью. Насколько человек вынослив психологически? Насколько он готов идти до конца? Мускулы можно увидеть, пощупать, а под черепную коробку не заглянешь. Если ты терял сознание, значит, твое тело физически не было готово к таким нагрузкам, и срабатывал внутренний предохранитель, отключивший тебя. Но, приходя в сознание, ты продолжал идти, не опускал руки, а упрямо шел к цели. И открывалось второе дыхание! Это намного ценнее, чем хорошая физическая форма. Были те, кто бежал лучше тебя, но сдался. Они не смогли себя заставить перешагнуть через собственную немощь. А ты наступил на нее, задушив на корню. Значит, твоя воля оказалась

сильнее. Мышечную ткань нарастить намного легче, чем что-то изменить в голове. Поэтому взяли тебя, а не их».

Я запомнил этот разговор на всю жизнь. Очень часто в нашей жизни мы встречаем людей, которые со стороны кажутся слабыми, – тихие, сублильные на вид. Но мы не знаем, что у каждого человека внутри и на что он способен. Это можно понять, лишь познакомившись с ним, увидев в сложной ситуации. Как у Владимира Высоцкого: «Пусть он в связке одной с тобой – там поймешь, кто такой». В израильской армии говорят: «*Хаколь ба рош*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.